МГИМО МИД России
Институт международных исследований

КАВКАЗСКИЙ СБОРНИК

Том 13 (45)

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2021

Сказочный исторический нарратив о грузинских меньшевиках

(полемические заметки на полях книги Эрика Ли)

Владимир Владимирович НОВИКОВ

В январе 2020 г. в Москве прошла презентация книги британского журналиста Эрика Ли «Грузинский эксперимент: забытая революция. 1918–1921 гг.»[1], вышедшей в петербургском издательстве «Нестор-История» при содействии Фонда имени Фридриха Эберта, Глобального института труда и Конфедерации труда России. Оригинальный текст вышел в 2017 г. в британском издательстве *ZedBooks*[2].

Российские друзья Эрика Ли пытаются придать его труду почти новаторское значение. Как утверждает научный редактор русского издания Алексей Гусев, «историографическое значение этой книги состоит в том, что она выходит в условиях, когда эта тема — история Грузинской Демократической Республики — практически неизвестна. На русском языке нет никаких современных работ. Буквально в прошлом году вышла все-таки книжка. Автор по фамилии Муханов. Называется “Социализм виноградарей”. Я еще не успел ее посмотреть. Просмотрел только ее содержание. Но там основное внимание сосредоточено на геополитических аспектах, на отношениях Грузии с соседями, с Советской Россией и т.д. А вот книга Эрика Ли в значительной степени посвящена внутренней политике. В том числе социально-экономической политике. И потому книга Эрика заполняет тот вакуум, который существует в историографии. Были, конечно, еще и советские

работы по данной теме, но это были работы скорее не с анализом, а с разоблачением. В этом смысле книга Ли очень важна. Она не разоблачает. Она объективно анализирует факты. Поэтому любой, кто интересуется этой темой, должен в первую очередь обратиться именно к этой книге»[3].

Что можно вычленить из этой цитаты? Во-первых, адресация к книге В.М. Муханова[4] осуществлена по печально известному принципу «я Пастернака не читал, но скажу...». Что с профессиональной точки зрения некорректно. Во-вторых, Гусев почему-то забывает, что столь нелюбимые им геополитические аспекты занимают и значительную часть книги Ли. В-третьих, поражает та негативная коннотация, которую он огульно придает советской историографии (что ударяет по самому А.В. Гусеву как выпускнику не просто исторического факультета МГУ, а кафедры истории КПСС).

Но так ли значима книга Ли, как это пытаются представить его апологеты? Ответ на этот вопрос нужно начать с анализа тех целей и задач исследования, которые он ставил перед собой.

Предваряя рассмотрение самой книги, следует заметить, что Эрик Ли — не профессиональный историк, не политолог или респектабельный политический аналитик, а профессиональный профсоюзный активист и журналист. По собственному признанию, он начал заниматься историей Грузинской Демократической Республики еще в середине 1980-х годов, так как пытался найти реальную альтернативу советской версии социализма. И нашел ее в виде меньшевистской Грузии.

Таким образом, Ли интересует не историческая правда или ее интерпретация. Исторические события для него всего лишь фон, своего рода склад фактуры, с помощью которой он пытается доказать свои тезисы. Обращение Ли к истории является отражением его политико-идеологических комплексов. Совершенно очевидно, что в мире была только одна более-менее длительная попытка воплотить в жизнь социалистический эксперимент — советский (оставим за скобками вопрос о политической, идеологической, морально-этической и иной оценке этого эксперимента). Исповедуемый Ли «демократический социализм» так и остался абстрактным идеологическим построением.

Справедливости ради добавим, что и научный редактор российского издания книги доцент исторического факультета МГУ Алексей Гусев также не является специалистом по Кавказу и тем более по Грузии. Его научная специализация — левая альтернатива сталинизму (в первую очередь антисталинские оппозиции). С Ли его роднит принадлежность к политической субкультуре «демократического социализма».

В качестве одной из основных претензий к книге Ли можно предъявить крайне узкую и весьма непрезентабельную источниковую базу, что понятно в связи с отсутствием у него профессиональных навыков поисково-исследовательской работы в архивах, в которых он вообще не бывал (ни в российских, ни в грузинских, ни в европейских). Добавим, что и список собственно исто-

риографической литературы крайне узок. Он состоит из популярной литературы, литературы крайне тенденциозной (например, мемуары Ноя Жордания), многочисленной периодики, а также марксистской теоретической литературы (Ленин, Каутский и т.д.).

При этом Ли игнорирует не только абхазскую и осетинскую историографию (видимо, как заведомо предвзятые), но и ту часть мемуарных источников, которые принадлежат перу деятелей самой Грузинской Демократической Республики и которую можно охарактеризовать как базовую. В первую очередь речь идет о мемуарах видного военачальника российской императорской и грузинской армии генерала Георгия Квинитадзе (последовательно занимал в 1918–1921 гг. должности помощника военного министра, командира 1-й дивизии, генерал-губернатора Абхазии, командующего частями побережья Черного моря, начальника Тифлисского военного училища и главнокомандующего грузинской армией)[5]. Кроме того, Ли фактически проигнорировал мемуары главного советника правительства Грузии по иностранным делам князя Зураба Авалова (Авалишвили)[6].

И Квинитадзе, и Авалов были сторонниками построения независимого грузинского государства. Однако их взгляд на политику правящей социал-демократической (меньшевистской) партии очень критичен. Не в этом ли причина того, что Ли игнорирует столь важные источники?

Идеологическая позиция Ли является главным слабым местом его книги, резко девальвирующим ее и без того весьма невысокую научную и историографическую ценность. Говорить о достижениях грузинского социал-демократического эксперимента нельзя просто в силу того, что он просуществовал всего лишь три года.

Пристрастность Ли ярко проявляется в его интерпретации генезиса Грузинской Демократической Республики и иностранной оккупации страны. По его утверждениям (см. с. 79), «столкнувшись с угрозой неминуемого турецкого вторжения и вероятностью турецко-советского пакта, они заключили союз с Германией, гарантировавший неприкосновенность границ Грузии и обеспечивающий некоторую стабильность внутри страны». Кроме того, в концепции Ли Германия была для меньшевиков «страной Маркса, Бебеля и Либкнехта» (с. 76). За романтической фразой скрывается либо полная неосведомленность, либо нежелание говорить правду.

Никакой угрозы советско-турецкого сговора не существовало. Еще 27 апреля 1918 г. Германия и Турция заключили секретный договор, по которому к Турции переходили уже занятые ею области Закавказья, а также часть Армении вдоль линии железной дороги Карс—Александрополь—Караклис. Остальная часть Закавказья становилась зоной германских интересов. По словам советского историка Г.В. Пипия, этот договор «позволяет понять, насколько были беспочвенны утверждения лидеров грузинских национальных партий и ряда буржуазных историков о том, что Национальный совет Грузии

вынужден был пригласить войска «цивилизованной Германии» в интересах спасения Грузии от ига «варварской Турции»[7].

Описывая процесс достижения договоренности между Германией и грузинскими меньшевиками, Ли делает упор на встречу тифлисских лидеров с германским генералом Отто фон Лоссовым на корабле «Минна Хорн» 25 мая 1918 г., когда он предупредил грузинскую сторону о возможности заключения секретного советско-турецкого соглашения (см. с. 71). При этом автор демонстративно не замечает, что еще 14 мая Грузинский национальный совет принял решение обратиться к Германии за покровительством.

Он умалчивает и о том, что политика германских меньшевиков в конце 1917 — первых месяцах 1918 г. объективно вела к ослаблению Закавказья как единого политического субъекта и его поражению в войне с немцами и турками. Так, на 57-й странице Эрик Ли вскользь упоминает о мирном разоружении пробольшевистски настроенных солдат тифлисского гарнизона. Однако ни единой строкой не упоминается о событиях в Шамхоре 9–12 (22–25) января 1918 г., когда вооруженные азербайджанские отряды при содействии грузинских частей князя Левана Магалова учинили резню едущих с фронта русских солдат, многие из которых были настроены пробольшевистски. Именно они представляли собой важную угрозу для Закавказского комиссариата[8]. В Баку в этот момент находился эмиссар советского правительства Степан Шаумян, который был активным сторонником недопущения в регион турецкой армии[9].

Опасаясь Шаумяна и помощи ему со стороны едущих с фронта солдат, грузинские меньшевики вступили в сговор с протурецки настроенными азербайджанскими лидерами, которые нуждались в оружии и боеприпасах. Попавшее в руки последних оружие использовалось против армянского населения, что усиливало протурецкие силы. Своими действиями грузинские меньшевики приближали военное поражение Закавказья.

Эрик Ли дает и крайне комплиментарную оценку германской оккупации, которая мало подтверждается документами эпохи: «Когда немцы покидали Грузию, они не воспринимались грузинами как ненавистные оккупанты. Большинство населения относилось в ним с уважением, тем более что сменившие их британцы повели себя далеко не лучшим образом» (с. 79). Оставим в стороне вопрос, могут ли оккупанты в принципе быть хорошими. Выясним, насколько германские войска были «хорошими оккупантами» для Грузии.

Эрик Ли рисует идиллическую картинку того, как оккупанты совершают благодеяния и получают сопротивление от властей и профсоюзов подмандатной территории там, где это вступает в противоречия с их интересами. И лишь касаясь ситуации осени 1918 г., сложившейся после военного поражения Германии, он замечает (с. 79), что «немецкие солдаты, которые прежде вели себя корректно и пользовались симпатиями большинства грузин, вдруг превратились в “неуправляемый сброд”».

Однако реальная картина немецкого присутствия в Грузии была несколько иной. Два дня спустя после провозглашения независимости Грузии — 28 мая 1918 г. — грузинская и германская делегации подписали шесть договоров, предусматривавших переход под немецкий контроль всех железных дорог, всех судов, допуск немецкой марки наравне с местной валютой, предоставление кредита для укрепления этой валюты (фактически в обеспечение этого отдавались все стратегические активы) и т.д.[10] Германские гарнизоны общей численностью 20 тыс. солдат появлялись во всех крупных грузинских городах, а советники — во всех ключевых министерствах и ведомствах[11].

Германские власти осуществляли натуральный грабеж грузинской экономики с помощью вывоза сырья. За несколько месяцев 1918 г. — с мая по ноябрь — из страны было вывезено 31 тыс. тонн марганца, около 70 тыс. тонн меди, 360 тонн шерсти, более 40 тыс. штук овечьей кожи[12]. Грузия оказалась для Германии ресурсной базой, которую можно было беззастенчиво грабить, не отдавая ничего взамен. И наконец, массовые экспроприации, бесчинства, незаконное разоружение населения, участие во взысканиях платы с крестьян в пользу помещиков — все это составляло ежедневный быт германских частей в Грузии[13].

Рассматривая британскую оккупацию Грузии, Ли обвиняет британцев в том, что «единственное, что их по-настоящему волновало, это война белых» (с. 98), а «судьба закавказских республик была делом второстепенным» (с. 98). В качестве примера однозначной поддержки британцами белых он приводит «Сочинский конфликт» между Добровольческой армией и Грузией. По его словам (с. 99), «7 апреля 1919 г. грузинское правительство заявило протест британцам в связи с переходом отрядами грузинской границы в Сочинском районе. Начались бои между русскими и грузинскими войсками». Ли цитирует листовку штаба Народной гвардии, в которой Деникин обвинялся во вторжении в Сочинский и Гагрский районы, и что «население Сочинского района поднялось с оружием в руках».

Более предвзятой, однобокой и вырванной из контекста трактовки «Сочинского конфликта», чем эта, трудно себе представить. Военное столкновение между деникинцами и меньшевиками возникло в результате поражения летом 1918 г. абхазских большевиков, оккупации Грузией Абхазии (см. ниже) и отступления красных частей из Абхазии и в целом с Черноморского побережья.

5 июля 1918 г. грузинские части вошли в Сочи, а 27 июля — в Туапсе. Вскоре после этого они столкнулись с передовыми отрядами Добровольческой армии[14]. 25–26 сентября того же года в Екатеринодаре на переговорах между командованием Добровольческой армии и представителями грузинского правительства от последних потребовали освободить Сочинский округ и прилегающую к нему территорию до реки Бзыбь. Грузинская делегация мотивировала удержание Сочинского округа своими войсками необходимостью «защиты грузинского населения от большевиков», которых там уже не было[15].

5 декабря 1918 г. вспыхнула война между Грузией и Арменией. Грузинские власти вынуждены были перебросить на армянский фронт большую часть сочинской группировки. Деникинцы развернули наступление и практически без боя заняли часть Сочинского округа до поселка Лоо. 25 декабря 1918 г. грузинское правительство в ноте правительству Великобритании выразило опасение, что дальнейшее наступление деникинцев на Сочи создаст угрозу потери этого региона. Великобритания потребовала от Деникина прекратить все наступательные действия в отношении Сочинского округа. Сам округ был объявлен нейтральным, но управляемым грузинской администрацией. Британцы запретили Добровольческой армии под угрозой силы продвигаться далее в районе Сочи без согласия английского командования[16].

В 1919 г. на Парижской мирной конференции грузинская делегация представила карту границ грузинского государства, куда входили и территории Сочинского и Туапсинского округов[17]. Отметим, что в период оккупации Сочинского округа грузинскими войсками имели место активные притеснения негрузинского населения (в первую очередь армян). Факты проведения антиармянской политики впоследствии признал даже военный министр Грузии Г. Георгадзе[18]. Грузинский дипломат З. Авалов писал, что «некоторые указывали о значении Сочинского округа для грузинской колонизации». При этом он подчеркивал, что данная идея была утопична и даже вредна[19]. Действительно, идеи использовать аннексию Сочинского округа для решения вопроса наделения землей безземельных крестьян Западной Грузии для снятия напряженности в грузинском обществе активно озвучивались в тот период[20]. Что же касается сочинского населения, якобы поддерживавшего грузинские власти, то даже такой лояльный к меньшевикам автор, как Б.В. Маилян, указывает, что вначале грузины действительно получили поддержку местных активистов русских небольшевистских социалистических партий и части крестьян. Однако вскоре эти настроения сменились на прямо противоположные, так как грузинские войска активно бесчинствовали в округе, а тифлисская администрация то ли не могла, то ли не хотела их останавливать[21].

24 января 1919 г. Деникин двинул свои войска вперед, и 6 февраля был взят Сочи, а 8 февраля — Адлер. В этот момент британские представители надавили на деникинцев, угрожая прекратить поставки вооружений, разорвать отношения и даже обстреливать части Добровольческой армии с английских кораблей. Тогда же британцы предложили план нейтрализации Сочинского округа: размещение в зоне конфликта британских войск для разъединения сторон. Деникинцы согласились с этим. Стороны были разъединены по реке Бзыбь[22].

12 апреля того же года грузинская армия обошла английские посты на реке Бзыбь и предприняла контрнаступление на Гагру, заняла город и предприняла наступление до реки Мехадыр. Однако произошло новое вмешательство англичан, и стороны были разъединены по реке Псоу (эта линия сохранилась

в советское время, а сейчас является частью Государственной границы Российской Федерации и Республики Абхазия).

Таким образом, вопреки всем утверждениям Ли, никакой грузинской границы деникинцы не переходили, а, наоборот, грузины, воспользовавшись сложной ситуацией, захватили Сочинский округ. Либо Ли некритично воспринял побывавшую в его руках научно-популярную литературу, либо умышленно подтасовал факты. Вопросы возникают скорее к научному редактору тома, который оказался не в состоянии проверить достаточно небольшой набор фактов, относящихся к так называемому Сочинскому конфликту.

Еще одна тема, которой касается британский профсоюзный деятель в своей книге, — это государственное устройство меньшевистской Грузии. Предметом его восхищения является Конституция 1921 г., которая представляется некоей смесью достижений тогдашней европейской конституционной мысли с социалистическими идеями. Эрик Ли восхищается демократической системой, выстроенной меньшевиками. Однако этот режим имел характер «витринной демократии». Если в первом правительстве Грузии меньшевики еще делили власть с другими партиями, то сформированный после выборов в Учредительное собрание в 1919 г. кабинет был уже полностью однопартийным.

Уже упомянутый видный грузинский дипломат Авалов прямо писал, что «правительство Грузии виделось ее вождями как демократическое в отличие от строя советского. На деле Грузия, конечно, еще не удовлетворяла требованиям представительной демократии. Внешние формы последней прикрывали здесь диктатуру социал-демократической партии»[23]. Отметим, что Авалов не видел в этом ничего особенно плохого, считая, что «это было бы даже полезно в революционную эпоху». Главный предмет его беспокойства заключался в том, что «крепкая государственная власть осуществлялась с чрезмерным уклоном в сторону партийной доктрины»[24].

Стремление контролировать все сферы жизни страны через партийные, а не государственные институты ярко проявилось в вопросе военного строительства. В первую очередь в создании параллельно с армией еще и Народной гвардии. Меньшевики весь срок своего правления ставили на пост военного министра фигуры, заведомо не имеющие никакого отношения к армии, стараясь максимально ослабить регулярное военное ведомство и усилить Народную гвардию как чисто партийный инструмент[25]. Один из военных министров, например, задал своему помощнику Георгию Квинитадзе такой вопрос: «А два орудия — это сколько пушек?»[26]

Особо стоит выделить описание Эриком Ли аграрной и профсоюзной политики меньшевиков, которые представлены им в главах «Аграрная революция в Грузии» и «Независимые профсоюзы». Касаясь аграрной реформы, Ли называет ее главным делом из всех деяний меньшевиков в период их нахождения у власти. Описание этой реформы начинается с длинного эссе о споре

Плеханова с Лениным и толковании этого спора Карлом Витфогелем, которые не имеют к заявленной теме никакого отношения. Отталкиваясь от этого эссе, Ли делает глубокомысленный вывод, что грузинские меньшевики помнили о дискуссии Плеханова и Ленина. Кроме того, меньшевики хотели «с одной стороны, предотвратить крестьянское восстание, а с другой, действовали так, чтобы не превратить в непримиримых врагов помещиков, чьи земли экспроприировались без компенсации». Более того, «если реформа не повлекла за собой немедленного роста производительности или сокращения сельской бедности, то со временем это могло произойти. Беда заключалась в том, что как раз времени Грузинской республике не хватило» (с. 122).

Автор предлагает нам оценить успехи аграрной реформы, используя сослагательное наклонение. Так мог ли закон от 29 января 1919 г., предусматривающий свободную куплю-продажу ранее конфискованной у помещиков земли, обеспечить рост аграрной отрасли? Для начала отметим, что принятый еще 16 декабря 1917 г. Закавказским комиссариатом закон о национализации всех помещичьих имений предполагал компенсацию владельцам имений за любой инвентарь, который они отдают государству.

Январский закон 1919 г. предполагал не столько создание класса крестьян-собственников, сколько пополнение государственной казны (определенные участки продавались по фиксированной цене, а культивированные земли, виноградники, пригородные земли — по рыночной). Большинство крестьян не имели средств для покупки земли, а кредитование фактически не захватило эту сферу.

Показательно, что сам Ной Жордания в конце 1920 г. констатировал провал аграрной реформы, заявляя, что «90 процентов крестьянства вынуждено обрабатывать чужую землю или искать какой-либо другой заработок помимо сельского хозяйства»[27]. В этих условиях говорить, что грузинским меньшевикам не хватило времени, чтобы аграрная реформа привела к успеху, просто бессмысленно.

Еще один тезис Ли — это утверждение о том, что в меньшевистской Грузии существовали влиятельные профсоюзы, которые защищали интересы пролетариата. Данное утверждение, как минимум, спорно. Например, в Совете профсоюзов Грузии имел место реальный диктат представителей меньшевистской партии. В ноябре 1920 г. в ходе выборов руководства Союза печатников Грузии сначала победу одержали коммунисты, но затем меньшевики заставили переголосовать, и победу одержали представители правящей партии[28]. Кроме того, столь восхваляемое Ли либеральное законодательство в области защиты труда фактически не соблюдалось. В первую очередь не соблюдался закон о 8-часовом рабочем дне. Кроме того, правительство препятствовало проведению забастовок[29]. Таким образом, либеральное рабочее законодательство и мощные профсоюзы — это не более, чем фикция и пропагандистский шаблон, которым оперирует Ли.

И наконец, стоит рассмотреть взгляды Эрика Ли на национально-государственное строительство в меньшевистской Грузии и соотнести их с реальной ситуацией на этом направлении. Речь идет как об отношениях Грузии с соседями (в первую очередь с Арменией), так и о политике Тифлиса в отношении территорий, которые она считала своими (Абхазия и Южная Осетия). Этим вопросам посвящены две главы в книге британского журналиста — «В войне с Арменией» и «Ахиллесова пята: национальные меньшинства». Суммировать достаточно простую позицию Эрика Ли нам поможет как раз цитата из его книги: «Армяне, турки и русские — все они с переменным успехом стремились использовать этнические меньшинства в Грузии против центрального правительства. Но они считали, что боролись за национальное выживание... одним из элементов этой борьбы являлось удержание сепаратистских областей» (с. 158).

Ли все время пытается доказать, что «грузины настаивали, что их страна, лишь недавно ставшая независимой республикой, в действительности продолжает традицию суверенитета Грузинского царства, существовавшего до начала XIX в.» (с. 155). Если подходить к проблеме не с точки зрения высокопарной фразы, а с конкретно-исторической, то никакого единого Грузинского царства к 1801 г. не существовало. Напомним, что в указанный год в состав Российской империи вошло только Картло-Кахетинское царство. Инкорпорация же территории будущей Грузинской республики происходила в несколько этапов. Что касается Абхазии, то она действительно имела обширные связи с картвельским миром, но не принадлежала к нему. Она стала протекторатом России в 1810 г., а ее автономия была упразднена только в 1864 г.

Грузинская Демократическая Республика в 1918 г. была провозглашена на территории двух бывших российских губерний — Тифлисской и Кутаисской, частями которой были бывшие картвельские государства и Абхазское княжество. И в этой связи говорить о сепаратистских областях, как минимум, неуместно. Более того, Ли скромно умалчивает о том, что независимость Грузии была провозглашена без указания границ.

Касаясь конфликта с Арменией, автор пишет, что «если грузины предлагали брать за основу административные границы Российской империи, то армяне настаивали на том, что должен учитываться этнический состав спорных областей» (с. 81). Однако заметим, что это был не универсальный принцип определения границ нового государства. Грузинские меньшевики, устанавливая границы своего государства, руководствовались не четкими политико-правовыми принципами или историческими прецедентами, а поступали так, как им было выгодно в текущий момент.

Он также утверждает, что Деникин и подталкивал армян к войне с грузинским правительством (с. 84), однако никаких документальных подтверждений он не привел, просто повторив распространенную грузинскую версию.

По его словам, «армяно-грузинскую войну 1918 г. спровоцировали агрессивные действия Армении, а накануне грузинские социал-демократы искренне пытались усадить своих товарищей-дашнаков за стол переговоров» (с. 90). Однако мимо внимания британского журналиста прошли такие факты, как угон Грузией всего железнодорожного подвижного состава накануне конфликта, блокаду грузинской стороной транспортного коридора на Армению и объявление ее тифлисскими властями нежизнеспособным государством. Это привело к тому, что в 1918–1919 гг. в Армении разразился голод. И жертвами этого голода стали в основном беженцы из Западной Армении. Люди, едва спасшиеся от османского геноцида, стали жертвами политических амбиций тифлисских политиков.

Также мимо внимания Ли проходит такой интересный момент, как поведение грузинской стороны в период армяно-турецкой войны 1920 г. Отметим, что сама эта война началась с того, что турецкая сторона сумела заручиться поддержкой Грузии. В начале сентября 1920 г. в Тифлисе побывал один из соратников Кемаля — Юсуф Кемаль, который провел переговоры с грузинским руководством, в ходе которых и была достигнута договоренность о нейтралитете Грузии в армяно-турецком конфликте[30]. Правительство Армении узнало обо всем этом постфактум, когда уже в ходе войны грузинские представители заявили, что не пойдут на военный союз с Ереваном против Турции и готовы обсуждать вопросы аналогичного союза против РСФСР в случае военного нападения со стороны Москвы[31].

В период военных действий Грузия сначала заняла часть Ардаганского округа, являвшегося предметом территориального спора между двумя странами. Тифлисские власти вовсе не смутило, что они совершили свой поступок в момент идущих армяно-грузинских переговоров об установлении союза против кемалистской Турции и РСФСР[32]. 6 ноября 1920 г. Грузия объявила о своем нейтралитете, однако уже 13 ноября грузинские войска взяли под свой контроль нейтральную зону, созданную после армяно-грузинской войны 1918 г. Обычно говорится, что это было сделано по договоренности с правительством Армении, чтобы предотвратить захват кемалистами этой территории. И это действительно так. Однако грузинские войска продвинулись дальше и захватили всю Лорийскую зону, что было уже нарушением договоренностей. 14 ноября был спешно проведен плебисцит, по которому данная территория объявлялась грузинской. А 15 ноября дипломатический эмиссар кемалистского правительства в Тифлисе заявил о том, что его правительство гарантирует территориальную целостность Грузии (естественно, с Лорийской зоной и другими приобретенными территориями) в качестве благодарности за ее нейтралитет[33]. Назвать данную политику по отношению к соседней стране чем-то иным, кроме проявления агрессивного вероломства, трудно. Однако Эрик Ли все это выводит за рамки своего анализа политики Грузинской республики.

Теперь перейдем к абхазскому и югоосетинскому вопросам в интерпретации британского профсоюзного деятеля. Последний утверждает, что «в 1917 г. абхазы встали на путь национального самоопределения, создав местный парламент — Абхазский народный совет, который разработал конституцию новой страны. Но их мечтам о независимости или автономии не суждено было сбыться. В марте 1918 г. русские большевистские войска дошли до Сухума — расположенной на черноморском побережье столицы Абхазии, вынудив абхазов обратиться за помощью к Грузии, несмотря на подозрения некоторых из них по поводу намерений грузин. Грузия послала войска, и большевики отступили обратно на север. 24 июля грузины и абхазы подписали договор, по которому Сухумский округ становился частью Грузии при том, что Абхазский народный совет продолжал управлять этой территорией до окончательного решения вопроса Национальной ассамблеей» (с. 146). Далее Эрик Ли так описывает ситуацию: «Менее чем через год на Абхазию нацелился генерал Деникин (...) В телеграмме, посланной им британским союзникам, он заявлял, что грузины — которые, как отмечалось выше, были приглашены в регион для защиты его от русской агрессии — притесняют местное население. Они, утверждал Деникин, разогнали существующее абхазское правительство и вынуждают провести новые выборы, которые гарантировали бы лояльность местного руководства Грузии. (...) Абхазские сепаратисты, прежде приветствующие грузин как защитников от русских, призывали на помощь Деникина в 1919 г. и Красную армию двумя годами позже» (с. 146–147).

Интересный казус случился с автором уже через две страницы после вышеуказанной цитаты. Рассказав всем про «неблагодарных абхазских сепаратистов», которые попросили помощи у Деникина против своих меньшевистских благодетелей, господин Ли пишет буквально следующее: «Меньшевики признали за Абхазией право на самоопределение в написанной ими конституции. И пришли на помощь абхазам, когда войска Деникина вторглись в страну» (с. 149).

Так что же все-таки произошло в конце 1918 — начале 1919 г. в Абхазии? Неблагодарные абхазские сепаратисты позвали деникинцев? Или грузинские меньшевики пришли на помощь абхазам? Как минимум, господин Ли «путается в показаниях», работая под определенную идею. Подобные ляпы на страницах книги вызывают вопросы скорее не к автору, а к научному редактору русского издания А.В. Гусеву.

Тем более что о событиях в Абхазии в период 1918–1921 гг. написано на сегодняшний день немало, в том числе и автором данной рецензии[34]. Остановимся на ключевых событиях рассматриваемого периода.

1. В ноябре 1917 г. представителями абхазской аристократии и интеллигенции был провозглашен Абхазский народный совет (АНС), который сразу же оказался втянут в противостояние с меньшевиками в лице сухумского городского головы В. Чхиквишвили.

2. Меньшевики активно пытались расколоть Абхазию, отделив от нее Самурзакан (территория нынешних Гальского и Ткуарчальского районов Республики Абхазия).

3. 9 февраля 1918 г. АНС и контролируемый меньшевиками Национальный совет Грузии (НСГ) заключили протокол о намерениях.

4. В марте 1918 г. в Сухуме под председательством сухумского городского головы Чхиквишвили прошел Второй Сухумский окружной крестьянский съезд, который признает Закавказский сейм в качестве общекраевой власти и АНС в качестве высшей власти на территории Абхазии. Совершенно очевидно, что это — компромисс между тифлисскими политиками и АНС.

5. В апреле–мае начался конфликт между АНС и абхазскими большевиками. Большевики, хотя и ориентировались на Москву, были выходцами именно из Абхазии, и среди них была значительная прослойка абхазского этнического элемента.

6. На определенный момент — примерно до середины мая — большевики сумели захватить власть, а деятельность как АНС, так и сухумских эмиссаров меньшевиков была приостановлена. При этом политико-юридический статус как Абхазии, так и Грузии был неопределен.

7. В середине мая 1918 г. начался конфликт между большевиками и абхазскими крестьянами Кодорского участка. Причиной стала гибель от рук большевиков князя Н. Эмхаа и его молочного брата из числа крестьян. И именно эти крестьяне, а не АНС обратились к правительству тогда еще единого Закавказья, которое и прислало в Абхазию части Красной гвардии, ядром которых были как раз грузинские меньшевики.

8. Между 11 и 26 мая на Батумской мирной конференции делегации грузинских меньшевиков и АНС зафиксировали две противоположные позиции: меньшевики требовали включения Абхазии в состав Грузии, а АНС хотел присоединиться к государственному образованию горцев Северного Кавказа.

9. После краха большевиков в Абхазии и провозглашения независимости Грузии грузинские меньшевики фактически «перетрясли» состав АНС, включив в него ряд своих сторонников. В первую очередь представителя самурзаканской ветки князей Шервашидзе — В. Шервашидзе, которого сделали даже председателем. Любителям «демократического социализма» господам Ли и Гусеву будет интересно узнать, что этот князь Шервашидзе был родственником жены Лаврентия Берия — Н. Гегечкори — и пользовался в советское время покровительством влиятельного родственника.

10. Что касается договора от 11 (24) июня 1918 г., о котором пишет Ли, то никакого статуса Абхазии он не определял. Более того, существует два варианта этого договора: один — расплывчатый, другой — более конкретный. А меньшевик Исидор Рамишвили 19 июля того же года на заседании АНС заявил, что только «съезд решит дальнейшую политику Абхазии: примкнет ли она к Грузии, России или Турции или объявит самостоятельность».

11. Что касается упомянутого Ли десанта, то действительно 27 июня — 15 августа 1918 г. группа турецких офицеров абхазского происхождения во главе с князем Джамалбеком Маршан высадилась в имении главы первого АНС князя Александра Шервашидзе. В итоге десант был разбит, а Шервашидзе с группой лиц объявлены в розыск.

12. После разгрома махаджирского десанта Александр Шервашидзе, Таташ Маршания и некоторые другие бежали на юг России, где заключили союз с Деникиным, обратившись к нему за помощью.

Таким образом, представленная Ли картина грузино-абхазских взаимоотношений просто лживая. Не было никаких «неблагодарных абхазских сепаратистов», а был сложный процесс становления как Абхазии, так и Грузии в качестве самостоятельных государственных единиц на обломках Российской империи. И в этой ситуации грузинская сторона всячески стремилась инкорпорировать в состав своего формировавшегося государства Абхазию, используя методы силового давления, одностороннего выхода из договоренностей и подлога.

Попытка свести их к дефинициям типа «Абхазия была марионеткой сначала деникинцев, а потом большевиков» выглядит жалко, неубедительно и однобоко. Действительно, абхазские политические силы пытались получить на разных этапах поддержку северокавказских кругов, турок и деникинцев. А затем инициативу в свои руки взяли большевики. Но что тогда можно сказать о грузинских меньшевиках, которые сначала опирались на немцев, потом на британцев, а потом старались договориться с большевиками и кемалистами?

Приведем еще одну интересную позицию по данному вопросу. Проживающая в Тбилиси представительница абхазского аристократического рода Маршания — Нато Маршания, чьи родственники из числа самурзаканского дворянства придерживались тифлисской ориентации, пишет, что ее родственник Давид Эмухвари, будучи сторонником нахождения Абхазии в составе Грузии, «сурово осуждал представителей местных социал-демократов, игнорирующих реальные нужды и интересы абхазов»[35]. Та же Маршания отмечает, что «в результате ошибочной политики грузинских социал-демократов часть абхазской аристократии, которые потенциально являлись патриотами и Абхазии и Грузии, в 1918 г. придерживались протурецкой, а 1919 г. проденикинской ориентации»[36].

Теперь об осетинском вопросе в изложении Ли. По его утверждениям, «местное население сформировало Осетинский национальный совет. Вскоре его возглавили большевики, и, как следствие, Совет не требовал независимости, а выступал за вхождение в состав России. Хотя роль русских большевиков в нагнетании обстановки в регионе очевидна, конфликт — включавший восстания в 1918, 1919 и 1920 гг. — носил в основном классовый характер, хотя и с этнической окраской» (с. 151–152).

При этом мимо внимания британского автора проходит важная предыстория данного конфликта. В первую очередь конфликт югоосетинского социума с грузинскими феодальными кланами Мачабели и Эристави в XIX в. Российская администрация на Кавказе была вовсе не на стороне осетин[37].

Допустим, что Эрик Ли не захотел углубляться в предысторию вопроса, но есть же и история отношений югоосетинского социума с Грузией начиная с 1917 г. Еще до провозглашения грузинской независимости — в июне и ноябре 1917 г. — прошли два съезда осетин Южной Осетии. Была выдвинута программа создания осетинской автономии в составе России. Был сформирован Всеосетинский объединенный комитет и два национальных совета — Осетинский в Северной Осетии и Югоосетинский — в Цхинвале. В марте 1918 г. в Южной Осетии произошло крестьянское восстание, носившее классовый характер. Но дальнейшие события привели к этнизации конфликта[38].

26 мая 1918 г. была провозглашена независимость Грузии, а 27–28 мая прошел Третий съезд делегатов Южной Осетии, постановивший отказаться от вхождения в грузинское государство. Четвертый съезд, проходивший 15–17 июня, подтвердил это решение. 3 августа под вооруженным давлением грузин и немцев Пятый съезд делегатов Южной Осетии принимает решение о временном и условном объединении с Грузией в обмен на широкую территориальную автономию, условия которой должны были быть предметом переговоров между Цхинвалом и Тифлисом[39].

Однако 4 декабря 1918 г. Шестой съезд отменил решение о вхождении в Грузию. Весной 1919 г. Югоосетинский национальный совет совместно с действовавшим во Владикавказе Всеосетинским объединенным комитетом направили в адрес Антанты меморандум о путях разрешения осетинской проблемы, предполагавший широкий набор вариантов — от вхождения в качестве субъекта федерации в Россию до объединения с северокавказским государством. До решения вопроса в меморандуме предлагалось взять обе части Осетии под патронат Антанты. Югоосетинский национальный совет также отказался участвовать в выборах в Учредительное собрание Грузии[40]. Однако страны Антанты и Деникин никак не отреагировали на этот меморандум. Меньшевистское правительство послало в Цхинвал карателей, которые низложили Национальный совет[41].

Обо всем этом Ли предусмотрительно умолчал. Ведь это рушит его концепцию о классовом характере осетино-грузинского конфликта. А его утверждение о ведущей роли большевиков в Югоосетинском национальном совете не выдерживает никакой критики. Столь волнующие ум Эрика Ли осетинские большевики появились в Цхинвале и его окрестностях не откуда-нибудь, а из Грузии. Конкретно — из Тифлиса, где под его влияние попали осетины–рабочие тифлисских предприятий. В январе 1918 г. они организовали осетинскую большевистскую организацию «Чермен»[42].

Кстати, тезис Ли о классовом характере осетино-грузинского конфликта ставит под очень большой вопрос его же тезис о замечательной аграрной политике меньшевистских властей. Если эта политика была такой хорошей, то откуда же взялся классовый антагонизм?

Однако помимо «плохих» этносов у Ли есть и «хорошие». К таковым он относит грузинских евреев. Он пишет, что «у местных грузинская независимость пробудила большие надежды» (с. 154).

Однако насколько эта идиллическая картина соответствовала действительности? Действительно, «Акт о независимости Грузии» подписали два еврея — Иосиф Елигулашвили и Моше Даварашвили. Ли мельком упоминает о борьбе внутри еврейской общины Грузии ассимиляторов и сионистов. Действительно, к тому моменту грузинская еврейская община раскололась на три группировки: сионистов, ассимиляторов и религиозных фундаменталистов. Все три группировки враждовали между собой. При этом ассимиляторы настаивали на том, что грузинские евреи — это «грузины Моисеева закона», чему сопротивлялись сионисты, настаивавшие на сохранении еврейской национальной идентичности. Сионисты боролись и с религиозными клерикалами[43].

Меньшевики сделали ставку на ассимиляторов и клерикалов. Более того, именно при меньшевиках в Грузии начались проявления антисемитизма (в первую очередь погромы). В 1920–1921 гг. в Рача-Лечхуме, Шорапанском и других уездах Грузии прошла серия убийств евреев, а меньшевистская власть фактически не наказывала убийц. Партийная газета меньшевиков «Эртоба» предоставляла свои страницы исключительно еврейским ассимиляторам[44]. Израильский историк Нугзар Тер-Оганов отмечает, что, «провозгласив основным критерием определения национальности фактор родного языка, грузинские социал-демократы тем самым хотели присовокупить к числу грузин и грузинских евреев»[45]. Таким образом, рушится и эта идиллическая картинка о евреях, обласканных меньшевиками.

Можно констатировать, что главный изъян книги Ли — это игнорирование темы соотношения государственного строительства и построения небольшевистской версии социализма. По справедливому утверждению видного британского специалиста по России и Кавказу Фрэнсиса Кинга, «трагедия грузинских социал-демократов в том, что в 1918 г., вопреки своим ожиданиям и идеологическим убеждениям, они оказались лидерами не социальной, а национальной революции...»[46].

Эрика Ли интересует не реальная история, а миф о меньшевистской Грузии как подтверждение собственных идеологических построений. Ради этого игнорируется значительная часть мемуарной литературы и документов, передергиваются и искажаются факты, а также даются ложные оценки.

Данную книгу можно было даже не заметить, если бы не то значение, которое стараются придать ей российские единомышленники ее автора. Они не только пытаются представить его творение как исключительное историографическое явление, но и пытаются делать это за счет девальвации других трудов по истории Закавказья и Грузии того времени. При этом российские апологеты Ли, так же как и он сам, абсолютные профаны в истории региона. Поражает и идеологический догматизм как самого Ли, так и его российских друзей. Он вполне напоминает догматизм советского образца, только догмы марксистско-ленинские тут заменены на плехановско-жорданиевские. Остается только сожалеть, что такая авторитетная организация, как Фонд имени Фридриха Эберта, сочла нужным содействовать российскому изданию такой поверхностной и крайне тенденциозной книги, которая даже не была принята академическим сообществом в Великобритании.

Примечания

[1] *Ли Э.* Грузинский эксперимент: забытая революция 1918–1921 гг. / Пер. с англ. М.; СПб., 2019.

[2] *Lee E.* The Experiment: Georgia's Forgotten Revolution 1918–1921. L., 2017.

[3] См. подробнее: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=iWzRLHhHLa4&t=2862s.

[4] *Муханов В.М.* «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики: 1917–1921. М., 2019. Отдельную рецензию на нее см. выше.

[5] *Квинитадзе Г.И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии, 1917–1921. Париж, 1985.

[6] *Авалов З.Д.* Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг. Нью-Йорк, 1982.

[7] *Пипия г.В.* Германский империализм в Закавказье. М., 1978. С. 101.

[8] *Муханов В.М.* Кавказ в переломную эпоху (1917–1921 гг.). М., 2019. С. 35–36.

[9] *Безугольный А.Ю.* Мартовские события 1918 года и становление советской власти в Баку // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.). Ростов н/Д, 2016. С. 135.

[10] *Пипия Г.В.* Указ. соч. С. 103–106.

[11] Там же.

[12] *Муханов В.М.* Грузинская Демократическая Республика. От первых дней независимости до советизации. М., 2018. С. 151.

[13] Там же. С. 156–159.

[14] *Безугольный А.Ю.* Демократическая Республика Грузия и ее Вооруженные силы. 1918–1921 гг. // Вопросы истории. 2009. № 10. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://istorja.ru/articles.html/caucasus/bezugolnyiy-a-yu-demokraticheskaya-respublika-gruziya-i-ee-vooruzhennyie-silyi-1918-1921-gg-r377/#34.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] *Лакоба С.З.* Ответ историкам из Тбилиси. Сухум, 2001. С. 48–49.

[18] *Маилян Б.В.* К вопросу о территориальном конфликте на Черноморском побережье Кавказа (июль 1918 — май 1920 г.). Историческое пространство. Проблемы истории СНГ // Под общ. ред. А.О. Чубарьян. М., 2013. С. 188.

[19] *Авалов З.Д.* Указ. соч. С. 197.

[20] *Маилян Б.В.* Указ. соч. С. 188.

[21] Там же. С. 185–187.

[22] *Безугольный А.Ю.* Демократическая Республика Грузия и ее Вооруженные силы. 1918–1921 гг. // Вопросы истории. 2009. № 10. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://istorja.ru/articles.html/caucasus/bezugolnyiy-a-yu-demokraticheskaya-respublika-gruziya-

i-ee-vooruzhennyie-silyi-1918-1921-gg-r377/#34.

[23] *Авалов З.Д.* Указ. соч. С. 10.

[24] Там же.

[25] Там же.

[26] *Квинитадзе Г.И.* Указ соч. С. 8.

[27] *Муханов В.М.* Указ. соч. С. 211–213.

[28] Там же. С. 242–243.

[29] Там же. С. 243.

[30] *Туманян М.* Дипломатическая история Республики Армения. 1918–1920. Ереван, 2012. С. 372–373.

[31] Там же. С. 364.

[32] *Andrew Andersen, Georg Egge.* Turkish-Armenian War and the fall of the First Republic. Арменикум. www.conflicts.rem33.com.

[33] Там же.

[34] Например, см.: *Новиков В.В.* Абхазский государственный проект в 1918–1921 гг.: предпосылки и попытки реализации // Кавказский сборник. Т. 12 (44). М., 2020. С. 57–76.

[35] *Маршания Н.* Абхазская аристократия в изгнании. Тбилиси, 2016. С. 211.

[36] Там же. С. 35.

[37] *Блиев М.М.* Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М., 2006. С. 100–123.

[38] Там же. С. 289–290.

[39] *Бзаров Р.С.* Почему нас хотят истребить? // Геноцид осетин. 1920 год: Документы и материалы. Владикавказ, 2011. С. 19–20.

[40] Там же. С. 21–22.

[41] Там же. С. 21–23.

[42] *Блиев М.М.* Указ. соч. С. 290.

[43] *Тер-Оганов Н.* Евреи Грузии. Социально-правовой статус и социально-экономическое положение с XVIII века до установления Советской власти. М., 2019. С. 243–244.

[44] Там же. С. 256.

[45] Там же. С. 242.

[46] *Кинг Ф.* Националисты поневоле? Социал-демократия и национальная независимость Грузии в 1918–1921 гг. // Кавказский сборник. Т. 12 (44). М., 2020. С. 79.

Сказочный исторический нарратив о грузинских меньшевиках

(полемические заметки на полях книги Эрика Ли)

Владимир Владимирович Новиков

В статье анализируется книга британского журналиста Эрика Ли «Грузинский эксперимент: забытая революция. 1918–1921 гг.», посвященная истории Грузинской Демократической Республики (ГДР). По мнению автора, данная книга не столько посвящена истории ГДР, сколько является попыткой Эрика Ли доказать на историческом материале правоту собственных идеологических построений.

Эрик Ли – приверженец идеалов так называемого демократического социализма, который должен представлять собой альтернативу как советской модели социализма, так и западному капитализму. Именно в меньшевистской Грузии Ли видит пример такого «демократического социализма».

Как показано в статье, историческое исследование у Ли заменяется «работой под идею», построением идеологизированной идиллической картинки «социализма в маленькой кавказской стране». В результате зачастую события в книге Ли описаны не просто пристрастно, но и искажены.

Эти искажения касаются таких моментов, как генезис самого грузинского меньшевистского государства, вопросы его социально-экономической политики, отношений с соседями и методов государственного и национального строительства.

Более того, автор «Грузинского эксперимента» фактически игнорирует множество источников и документов, которые противоречат его концепции.

Ключевые слова: Эрик Ли, Грузия, Армения, Абхазия, Южная Осетия, меньшевики, демократический социализм, Ной Жордания.

A fabulous historical narrative about the Georgian Mensheviks

(polemical notes in the margins of Eric Lee's book)

Vladimir V. Novikov

The article analyzes the book by British journalist Eric Lee "The Georgian Experiment: the Forgotten Revolution. 1918–1921", dedicated to the history of the Georgian Democratic Republic (GDR). According to the author, this book is not so much about the history of the GDR, as it is an attempt by Eric Lee to prove the correctness of his own ideological constructions on historical material.

Eric Lee is an adherent of the ideals of so-called "democratic socialism", which should represent an alternative to both the Soviet model of socialism and Western capitalism. It is in Menshevik Georgia that Lee sees an example of such "democratic socialism".

As shown in the article, the historical research of Wu Li is replaced by "work under the idea", the construction of an ideologized idyllic picture of "socialism in a small Caucasian country". As a result, the events described in Lee's book are often not just biased, but also distorted.

These distortions concern such issues as the genesis of the Georgian Menshevik state itself, issues of its socio-economic policy, relations with its neighbors, and methods of state and national construction.
Moreover, the author of the «Georgian Experiment» actually ignores many sources and documents that contradict his concept.

Keywords: Eric Lee, Georgia, Armenia, Abkhazia, South Ossetia, Mensheviks, democratic socialism, Noah Jordania.